

А. Б. БРЕЙДАК

ИЗ ИСТОРИИ ЛАТГАЛО-СЕЛОНСКОГО ВОКАЛИЗМА

Некоторые вопросы истории вокализма латгальских и селонских говоров (ретроспективно — латгальского и селонского племенных языков) пока еще нельзя считать окончательно решенными, хотя по этим вопросам имеется обширная литература. К таким вопросам относится история перегласовки общепалтийских **ei*, **ē* (< и.-е. **ei*) и **ō* (< и.-е. **ō*) в глубоких верхнелатышских говорах, которой и посвящается данная статья.

В глубоких верхнелатышских говорах, как и в юго-восточных жемайтских говорах дуниников, общепалтийские гласные **ē*, **ō* изменились в *ī*, *ū*¹. Относительно взаимосвязи этого фонетического явления в вышеупомянутых идиомах писали Я. Эндзелин и Л. Ельмслев.

Рассмотрев ряд верхнелатышско-жемайтских языковых сходств, в том числе и долгие гласные *ī*, *ū* вместо дифтонгов *ie*, *uo* в нижнелатышском и аукштайтском диалектах, Я. Эндзелин в своей статье „О родственных отношениях латышских говоров к литовским“ пришел к следующему заключению: „Теперь, правда, жемайтская территория не граничит с восточнолатышской территорией, но не исключена возможность, что они когда-то прежде действительно граничили друг с другом, и указанные мною соответствия, кажется, предполагают это“².

Но позже Я. Эндзелин от этого объяснения в значительной мере отказался, ибо возникновение долгих гласных *ī* (< **ē*), *ū* (< **ō*) и дифтонгов *ie* (< **ē*), *uo* (< **ō*) в глубоких верхнелатышских говорах, соответствующих долгим гласным *ī* (< **ē*), *ū* (< **ō*) в говорах дуниников жемайтского диалекта и дифтонгам *ie* (< **ē*), *uo* (< **ō*) в жемайтском диалекте, он датировал не ранее

¹ В одной части вецлайценского говора в Мазлайцене вместо ожидаемых гласных *ī*, *ū* с прерывистой интонацией выступают дифтонги *ei*, *ou* (точнее *ēi*, *ōu*). В неретском же говоре вместо ожидаемых гласных *ī*, *ū* с нисходящей интонацией выступают дифтонги *ie*, *uo*. Следовательно, общепалтийские **ei*, **ē* и **ō* в мазлайценском подговоре дали следующие рефлексы *ēi*, *ōu* и *ī*, *ū*, в неретском же говоре — соответственно *ī*, *ū* (с восходящей интонацией) и *ie*, *uo*. См. также А. Ābele. Par Apukalna izloksnēm. — FBR VIII (1928), l. 24, 34; V. Meņģele. Neretiešu izloksne. — FBR XIX (1939), l. 99; M. Rudzīte. Latviešu dialektoloģija. Rīgā, 1964, l. 281.

Дифтонги *ēi*, *ōu* мазлайценского подговора ср. с дифтонгами *ei*, *ou* жемайтских говоров доуниников. О возникновении последних см. К. Būga. RR. V., 1959, t. 2, p. 150; V. Grīnaveckis. Žemaičių tarmių istorija (fonetika). V., 1973, p. 192; J. Kazlauskas. Dėl baltų **ei* ir **ō* raidos lietuvių žemaičių tarmėse. — Baltistica, 1969, t. 5(1), p. 29–35.

² J. Endzelīns. Darbu izlase. Rīgā, 1974, s. 2, l. 51.

XV—XVI вв.³, а к тому времени латгалло-селоно-жемайтское соседство уже было нарушено.

Я. Эндзелин, исходя из априорной гипотезы пралатышского языка, выводил долгие гласные *ī*, *ū* глубоких верхнелатышских говоров из „пралатышских“ (= среднелатышских) дифтонгов *ie*, *uo* и датировал эту пере­гласовку в промежутке времени между 1590 и 1638 гг. Для обоснования своего предположения Я. Эндзелин использовал два слова, зафиксированные в документах XV—XVI вв. Во-первых, в документе от 1464 г. в окрестностях Алуксне засвидетельствован апеллятив *paroben*, который Я. Эндзелин реставрировал в виде **paruobs* (из русского *порубъ* „мирская раскладка пода­тей“). Во-вторых, в документе от 1590 г. в Латгалии зафиксирован топоним *Ason*, в котором, по мнению Я. Эндзелина, еще сохранился старый „прала­тышский“ дифтонг *uo*. В-третьих, Г. Манцелиус в своем труде „Lettus“ от 1638 г. писал, что в глубоких верхнелатышских говорах нижнелатышским дифтонгам *ie*, *uo* соответствуют долгие гласные *ī*, *ū*. Исходя из этих фактов, Я. Эндзелин сделал вывод, что перегласовка *uo* > *ū* в глубоких верхнела­тышских говорах произошла в конце XVI в. или в начале XVII в.⁴ Притом он считал, что перегласовка *uo* > *ū* в глубоких верхнелатышских говорах могла осуществиться только после перегласовки „пралатышского“ долгого *ū* > *ou*, *eu*, *yu*, *iu*, а последняя осуществилась между 1478 и 1519 гг. (ср. один и тот же топоним в Латгалии в двух разновидностях: *Sunakelen* с дол­гим *ū* в документе 1478 г. и *Sownakell* с дифтонгом *ou* (<*ū*) в документе 1519 г.).

Если принять датировку возникновения долгих гласных *ī*, *ū* в глубоких верхнелатышских говорах, выдвинутую Я. Эндзелином, то не может быть и речи о генетической связи этого фонетического явления в глубоких верхне­латышских говорах и в жемайтских говорах дунининков, ибо в XVI—XVII вв. верхнелатышская и жемайтская территории уже не граничили друг с другом, и в таком случае прав был бы Л. Ельмслев, считавший, что долгие гласные *ī*, *ū* и дифтонги *ie*, *uo* в глубоких верхнелатышских говорах и жемайтских говорах дунининков возникли в результате независимых, параллельных перегласовок⁵. Однако, на наш взгляд, эта датировка неверна, ибо аргумен­ты, выдвинутые в её пользу, при более пристальном анализе оказываются несостоятельными.

Начнем с апеллятива *paroben*, значение и настоящая форма которого нам не известна. А. Швабе даже восстанавливает его в виде формы *parāds* „долг“⁶. Ни реставрированной формы **paruobs*, ни её рефлексов в современ­ном латышском языке и его говорах нет. Если даже признать восстановленную

³ J. Endzelīns. Sīkumi, I. — FBR VII (1927), l. 5; J. Endzelīns. Latviešu valodas skaņas un formas. Rīgā, 1938, l. 41; J. Endzelīns. Ievads baltu filoloģijā. Rīgā, 1945, l. 65; J. Endzelīns. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951, l. 137—138.

⁴ Так как ареал и условия перегласовок **ē* > *ī* и **ō* > *ū* в глубоких верхнелатышских говорах совпадают, то следует признать, что оба выше упомянутые фонетические измене­ния осуществились одновременно.

⁵ L. Hjelmslev. Etudes de phonétique dialectale dans le domaine letto-lituanien. — Scando-Slavica. Copenhagen, 1956, vol. 2, p. 62—86.

⁶ A. Švābe. Pagasta vēsture. Rīgā, 1926, s. 1, l. 45.

форму **paruobs* верной, она все-таки не может свидетельствовать в пользу предполагаемой Я. Эндзелином хронологии перегласовки *uo > ū*, ибо в Алуksне был смешанный состав населения. Даже в документах 1683 и 1688 гг. названия крестьянских дворов приведены в форме среднелатышского диалекта. Имеются также сведения, что в начале XVIII в. возник спор в связи с двойным (т.е. верхнелатышским и среднелатышским) произношением названий крестьянских дворов в окрестностях Алуksне⁷.

Что же касается формы топонима *Ason*, засвидетельствованной в 1590 г., то её следует признать искаженной, ибо реальные формы этого топонима *Osyūna* и *Osyūns* можно вывести только из праформ **Osūna* и **Osūns*, а рефлексов формы *Ason* в современной топонимии Латгалии нет. В документах 1590 и 1599 гг. этот топоним приведен также и в других искаженных формах: фольварк *Hazoniski*, фольварк *Hassonski*, *villam Aschen*⁸.

Об ошибочности вышеизложенной датировки Я. Эндзелином возникновения долгих гласных *ī*, *ū* глубоких верхнелатышских говоров свидетельствуют многие факты истории латышского языка. В письменных памятниках XIII в. в топонимах с латгало-селонской территории вместо ожидаемой графемы *o*, которой обозначали фонему /*uo*/ (например, в хронике XIII в. Генриха Латвийского (2x) *Mesothēn* 1219 г. XXIII 4,8 = лтш. *Mežuotne*)⁹, наличествует графема *u*¹⁰. Так в одном документе XIII в. засвидетельствовано название городища *Aszute* 1211 г. (= лтш. *Asuote*).¹¹ В хронике Генриха Латвийского 22 раза упоминается латгало-селонское городище *Kukenoys* 1205 г. IX 10, 1206 г. X 3, (2x) 1207 г. XI 8, 9, 1208 г. XII I, (2x) 1209 г. XIII I, 4, (2x) 1212 г. XVI 7, 8, (2x) 1213 г. XVII 2, 5, (3x) 1214 г. XVIII 4, 9, 1218 г. XXII 3, 1219 г. XXIII 5, (2x) 1221 г. XXV 4, 5, 1223 г. XXVII 5, (*in*) *Kukenoysē* 1210 г. XVI 5, 1225 г. XXIX 5, *Kukonoys* 1207 г. XI 2¹². В одном документе XIII в. также засвидетельствовано название городища *Kukonois* 1211 г.¹³

Правда, на современном этапе развития в западной части латгало-селонских говоров, где в письменных памятниках XIII в. засвидетельствованы топонимы *Aszute* и *Kukenoys*, вместо долгих гласных *ī*, *ū* глубоких латгало-селонских говоров уже наличествуют дифтонги *ie*, *uo* (ср. соответствующие

⁷ A. Jansons. Gulbenes rajona toponīmikas jautājumi. — Arheoloģija un etnogrāfija. Rakstu krājums. Rīgā, 1962, s. 4, l. 203.

⁸ B. Brežgo. 1654 gada „Piscovāja kņiga“ Latgalē. — FBR VII (1927), l. 103.

⁹ Scriptorum rerum Livonicarum. Sammlung der wichtigsten Chroniken und Geschichtsdenkmalen von Liv-, Ehst- und Kurland. Erster Band. Riga und Leipzig, 1853 (далее — SRL I), S. 232, 236.

¹⁰ Графемой *o* в письменных памятниках того времени обозначены также фонемы /*o*/ и /*ō*/, например, в хронике Генриха Латвийского *Tholowa* (2x) 1208 г. XI 7, 1214 г. XVIII 3, 1216 г. XX 5, (2x) 1224 г. XXVIII 9, *Tolowa* 1225 г. XXIX 3 (= *Tōlova* ≥ лтш. *Tālava*), см. SRL I 118, 180, 204, 290, 296.

¹¹ SRL I 411.

¹² SRL I 92, 96, 112, 120, 122, 130, 136, 140, 176, 178, 180, 186, 222, 234, 262, 278, 298.

¹³ Latvijas vēstures avoti. Senās Latvijas vēstures avoti. I burtnīca (līdz 1237. g.). Rīgā, 1937, s. 2 (далее — LVA II/I), l. 45.

В некоторых документах XIII в. четырежды написанное название этого городища с графемой *o* в корне слова (*Kokanoys* 1213 г., *Cokenois* 1226 г., *Cocanis* 1237 г., (*de*) *Cocansi* 1226 г., см. LVA II/I 57, 108, 196, SRL I 417) очевидно отражает земгальскую (= западнолатгальскую?) версию произношения этого топонима с дифтонгом *uo* в корне слова.

современные названия населенных пунктов *Asuote, Kuoknese*). Но раньше в западной части латгало-селонских говоров, как и в восточной части этих говоров, несомненно наличествовали рефлексы общебалтийских долгих гласных **ē, *ō* долгие гласные *ī, ū* и только позже под влиянием среднелатышских говоров эти гласные были заменены дифтонгами *ie, uo*. Об этом ярко свидетельствует фонетическая аномалия в ареале западных латгало-селонских говоров — наличие спородического долгого гласного *ū* вместо ожидаемого дифтонга *uo* в народных песнях и топонимах. В некоторых народных песнях из зоны неглубоких латгало-селонских говоров наличествует форма *Jūds* вместо *Juods* „Чёрт“¹⁴. В Кокнесе вместо ожидаемой формы топонима *Muoku kalns* существует *Mūku kalns*¹⁵.

Примеры с долгим гласным *ī* вместо ожидаемого дифтонга *ie* в народных песнях менее надежны, например: *sīku naudu mērīdami* „мелкие деньги меря“, *sīku naudu skaitīdami* „мелкие деньги считая“ при закономерной строке *siekiet naudu mērīdami* „четверками деньги меря“ в одном и том же типе народной песни¹⁶. Возможно, что после субституции долгого гласного *ī* дифтонгом *ie* в неглубоких латгало-селонских говорах в результате переосмысления имя существительное *sikīm* „четверками“ (твор. пад. мн. ч.) в народной песне было заменено именем прилагательным *sīku* „мелкую“ (вин. пад. ед. ч.).

Немаловажное значение для выяснения времени возникновения долгих гласных *ī (< *ē), ū (< *ō)* в латгальских и селонских говорах имеют данные северо-восточных литовских говоров, испытавших сильный южноселонский субстрат. Оказывается, что в этих литовских говорах наличествуют спорадические подударные долгие гласные *ī, ū* вместо ожидаемых дифтонгов *ie, uo*, например: *nūbangos* „окончание“ (Смильгяй, Англининкай), *nūkulos* „мякина“ (Кулдунай), *nūlupa* „шелуха, кожа“ (Ужбалай), *prūdas* „придача, прибавка; добавка, надбавка“ (Смильгяй), *prūkarklis* „скотный двор; загон“ (Обеблаукяй), *prūpirtis* „предбанник“ (Ужушиляй), *prūšais* „напротив; навстречу“ (Сувайнишкис, Нершенис)¹⁷.

В XIII в. территория Селонии была разделена между двумя враждовавшими государствами — Литвой и Ливонским орденом. Отсюда можно сделать вывод, что перегласовка общебалтийских долгих гласных **ē, *ō* в селонском и латгальском началась до XIII в. Однако не надо думать, что вышеупомянутые общебалтийские гласные в латгальском и селонском племенных языках сразу были перегласованы в долгие гласные *ī, ū*. Ибо имеются данные, свидетельствующие, что в латгальском языке в XIII в. наличествовали долгие гласные *ī, ū*, продолжающие индоевропейские и общебалтийские долгие

¹⁴ Kr. Barons, H. Vissendorffs. *Latvju dainas*. Petrogradā, 1915, s. 5, l. 396, 397 (песни № 34043, 11 из Сауки и № 34043, 15 из Синоле); *Tautas dziesmas*. Prof. P. Šmita redakcijā. Rīgā, 1938, s. 3, l. 190 (песня № 55109 из Сеце). См. также материалы народных песен, хранящиеся в секторе фольклора Института языка и литературы Академии наук Латвийской ССР: FS 2, 1749 из Синоле, FS Bb 43, 2195 из Эргли, FS 1838, 7490 из Виесиены (первое число в шифре обозначает порядковый номер рукописи, второе — порядковый номер народной песни в рукописи).

¹⁵ J. Graudonis, V. Urtāns. *Senatnes pēdās*. Rīgā, 1961, l. 30.

¹⁶ См. FS 35, 137 из Саркани, FS 302, 183 из Сеце, FS 191, 4743 из Лубаны.

¹⁷ *Lietuvių kalbos tarmės*. V., 1970, p. 464, 465, 473, 474.

гласные *ī, *ū. В письменных памятниках XIII в. зафиксирован гласный ī, например: *Lixna* 1230 г., *Nitczegale* 1245 г. В XII—XIII вв. цискадские литовцы (близ Резекне) заимствовали из латгальского ряд слов с долгими гласными ī, ū, например, *cýrulis* „жаворонок“, *stūrỹs* „угол“¹⁸.

Так как общепалтийские долгие гласные *ē и *ī, *ō и *ū дали неодинаковые рефлексy в латгальских и селонских говорах, то ясно, что в XIII в. в латгальском и селонском языках не могли синхронно наличествовать рефлексy общепалтийских долгих гласных *ē, *ō — долгие гласные ī, ū и долгие гласные ī, ū, продолжающие индоевропейские и общепалтийские долгие гласные *ī, *ū, ибо в противном случае рефлексy общепалтийских *ē и *ī, *ō и *ū в латгальских и селонских говорах были бы идентичными. На наш взгляд, это мнимое противоречие данных письменных памятников XIII в., данных северо-восточных литовских говоров с селонским субстратом и латгальских заимствований в цискадском говоре литовского языка можно разрешить, признав, что в латгальском и селонском языках в XIII в. существовали рефлексy общепалтийских долгих гласных *ē, *ō — дифтонгоиды *ī^o (или *eī), *ū^o (или *oū) наряду с долгими гласными ī, ū, продолжающими общепалтийские долгие гласные *ī, *ū¹⁹. Следовательно, — эволюцию общепалтийских долгих гласных *ē, *ō в латгальском и селонском можно показать следующими формулами: 1) *ē > *ī^o (или *eī) > ī; 2) *ō > *ū^o (или *oū) > ū²⁰. Эти-

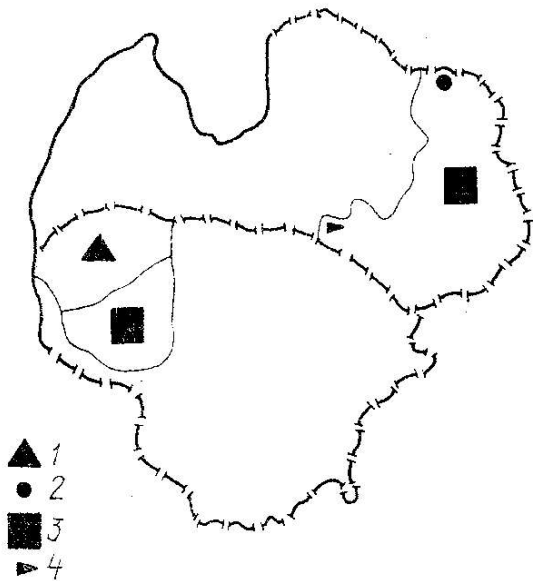

Рис. 1. Ареал перегласовки общепалтийских *eī, *ē и *ō в глубоких верхнелатышских и жемайтских говорах доунииников и дуниников: 1 — eī, oū; 2 — ēi, oi; ī, ū; 3 — ī, ū; 4 — i, u; ie, io.

Ареал рефлексов общепалтийских *eī, *ē и *ō в глубоких верхнелатышских говорах показан по материалам диалектологического атласа латышского языка, хранящимся в Институте языка и литературы Академии наук Латвийской ССР, и труду Рудзите М. К. Латышская диалектология (Фонетика и морфология). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук по книге „Латышская диалектология“ [Рига, Латгосиздат, 1964 (на латышском языке). Рига, 1969, карта № 15].

Ареал рефлексов общепалтийских *eī, *ē и *ō в жемайтских говорах доунииников и дуниников показан по следующим трудам: Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija, карта № 1; V. Grinaveckis. Žemaičių tarmių istorija (fonetika), карта на с. 15.

¹⁸ К. Вūga. RR, t. 2, p. 289, 290, 506; Ten pat, 1961, t. 3, p. 45, 570—572; Z. Zinkevičius. Nauji K. Būgos rankraščiai. — Kalbotyra, 1972, t. 24(1), p. 122; Latviešu konversācijas vārdnīca. Rīgā, 1933—1934, s. 10, столбец 20253.

¹⁹ Сравните аналогичную корреляцию дифтонгоидов и долгих гласных в некоторых современных литовских говорах. См. Z. Zinkevičius. Lietuvių dialektologija. V., 1966, p. 87; A. Vidugiris. Zietelos tarmės daiktavardis. — LKK. V., 1969, t. 11, p. 147—182.

²⁰ После рассмотрения вопроса о развитии общепалтийских долгих гласных *ē, *ō в латгальском и селонском языках мы можем уточнить, что зафиксированные формы ойконимов XIII в. *Aszute* и *Kukenoys* отражают действительные формы того времени *Asū^ote или *As^oūte и *Kū^oknōjs или *K^oūknōjs. Последний ойконим очевидно образован от гидронима *Kū^okna или *K^oūkna, — возможно, старого названия реки *Pērse*, на берегу которой было расположено поселение *Kuoknese* (ср. зафиксированную древнюю форму гидронима

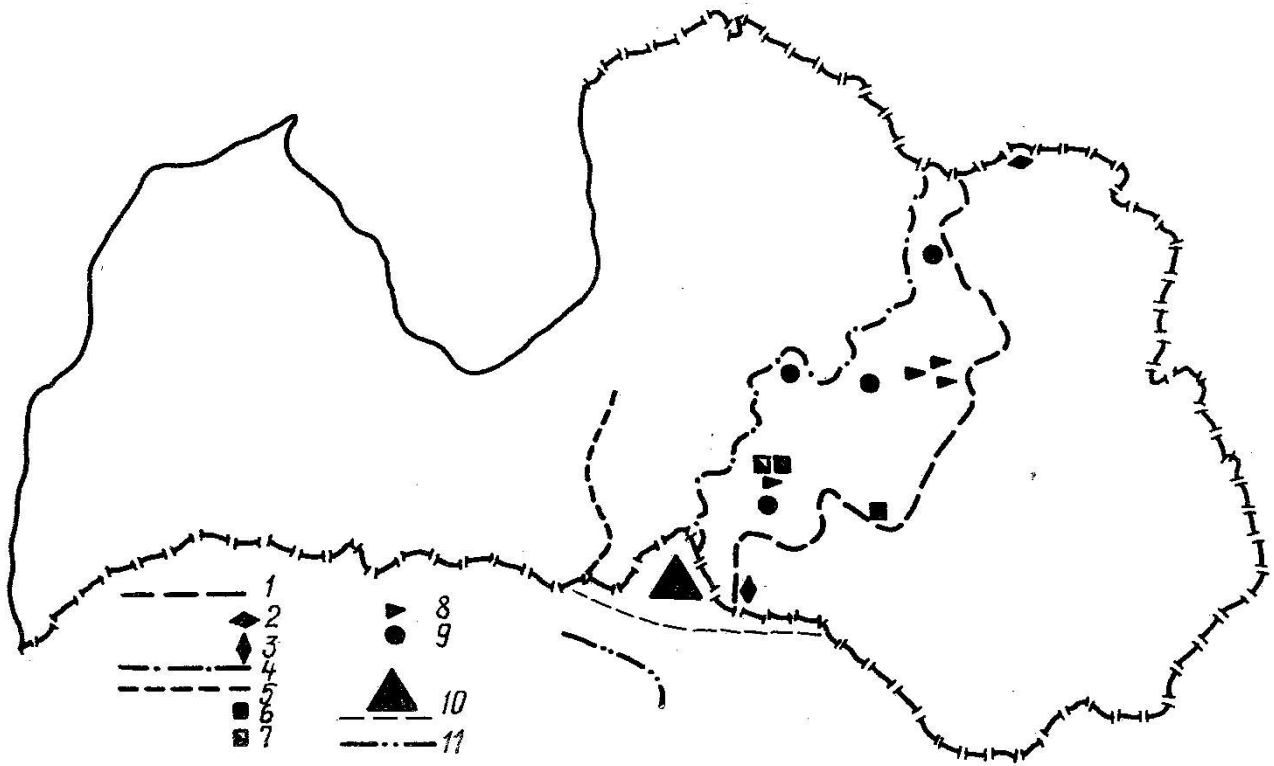

Рис. 2. Рефлексы общевалтийских $*ei$, $*ē$, и $*ō$ в латгальском и селонском идиомах: 1 — западная граница ареала i , $ū$; 2 — $ēi$, $ōi$; i , $ū$; 3 — i , $ū$; ie , $ūo$; 4 — западная граница латгальских и селонских говоров; 5 — бывшая граница между селонами и земгалами (см. J. Plāķis. *Varbūtējā zemgaļu un sēļu senču robeža*. — Rīgas Latviešu Biedrības Zinātņu Komitejas Rakstu krājums, A. Rīgā, 1940, 23 A, l. 85); 6 — u (= $*ū^o$ или $*ōū$) в письменных памятниках XIII в.; 7 — спорадический $ū$ в современной топонимии; 8 — спорадический i в народных песнях (?); 9 — спорадический $ū$ в народных песнях; 10 — спорадические i , $ū$ в литовских говорах на бывшей южноселонской территории (см. *Lietuvių kalbos tarmės. Chrestomatija*); 11 — бывшая граница между селонами и жемайтами (см. Народы Европейской части СССР. т. 2, карта на с. 15).

ми же формулами можно объяснить эволюцию общевалтийских долгих гласных $*ē$, $*ō$ в жемайтских говорах дунининков. Так как в эпоху первой стадии перегласовок $*ē > *īē$ (или $*eī$) и $*ō > *ōū$ (или $*oū$) (т.е. до XIII в.!) латгалы, селоны и жемайты жили по соседству²¹, то следует признать, что вышеупомянутые перегласовки в латгальском, селонском и жемайтском осуществились одновременно и вопреки последнему мнению Я. Эндзелина и Л. Ельмслева когда-то составляли единый ареал.

В заключение необходимо отметить, что в отличие от жемайтских говоров дунининков в глубоких латгало-селонских говорах общевалтийские дифтонгические сочетания $*en$, $*on$, как и долгие гласные $*ē$, $*ō$, тоже дали рефлексы — долгие гласные i , $ū$. Следовательно — упомянутые общевалтийские дифтонгические сочетания в латгальском и селонском идиомах прошли следующий путь эволюции: $*en > *ēn > *ē > *īē$ (или $*eī$) $> i$; $*on > *ōn > *ō > *ōū$ (или $*oū$) $> ū$.

Kokna = *Pērse* с дифтонгом *-uo-* в корне слова, см. J. Endzelīns. *Latvijas PSR vietvārdi. Rīgā*, 1961, 1(2), с. 193.

²¹ Народы Европейской части СССР. М., 1964, т. 2, с. 15; Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига, 1975, с. 151.